

An illustration of a man and a woman standing in a city street at dusk. The man is on the left, wearing a dark jacket and a brown backpack, looking towards the woman. The woman is on the right, wearing a light-colored top, looking back at him. They are in front of a multi-story apartment building with balconies. Some windows are lit up, and the ground is covered with fallen leaves.

Влада КЕМПЕЛЬ

БУДЬТЕ
ОСТОРОЖНЫ
ПОД ОКНАМИ

Влада Кемпель

Будьте осторожны под окнами

<https://litres.ru/74104754>

SelfPub; 2026

Аннотация

Будьте осторожны под окнами. Особенно если вы музыкант, а на втором этаже живёт девушка с разбитым сердцем.

В день, когда очередной пафосный букет от бывшего оказывается на кухне Арины, она не выдерживает и выбрасывает его в окно.

Внизу раздаётся крик.

Высунувшись, Арина видит двоих парней: один отряхивается от лепестков, а второй смотрит на неё с насмешливой улыбкой. У него старая куртка, гитара за спиной и голос, который хочется слушать вечно. И, как выясняется, он её новый сосед по подъезду.

Так начинается их история. История о том, как падающие цветы могут изменить всю жизнь. О том, как важно найти того, кто поверит в тебя, когда ты сам в себя не веришь. И о том, что за счастье иногда приходится бороться - с ревнивыми фанатками, циничными продюсерами и собственными страхами.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Влада Кемпель

Будьте осторожны под окнами

Глава 1

Розы были идиотские. Тридцать три штуки. Бордовые, в шуршащей обёртке с вычурной открыткой внутри. Букет лежал на кухонном столе и сводил Арину с ума, он занимал собой полстола. Розы свешивали тяжёлые бутоны за край и вообще вели себя как хозяева жизни. Будто это они здесь живут, а Арина просто обслуживающий персонал.

Она ненавидела розы. Всегда ненавидела. Колючие и пафосные, пахнут «богато и статусно», как говорила её мама. Для Арины они пахли Никитой. Его одеколоном, его уверенностью в том, что он знает, как правильно. *«Дорогая женщина должна получать дорогие цветы»*. Она помнила эту фразу. Он всегда так говорил, когда они ещё были вместе, а она робко отмечала, что ей больше по душе полевые ромашки, но он предпочитал игнорировать этот факт. Он вообще много что предпочитал игнорировать и не замечать.

Арина вытащила открытку, плотный розовый картон с золотыми завитками по краям. Идеально ровный почерк с

сильным наклоном в левую сторону.

«Рина, не глупи. Давай встретимся и поговорим, как взрослые люди. Только ты и я. Н.»

Буква «Н» с росчерком, будто подпись под указом. Он всегда был таким, писал и говорил коротко, уверенно, без единого сомнения в том, что прав, кажется, он действительно никогда не сомневался в себе и своих действиях.

– Только я и ты, – передразнила она вслух. – А кто ещё? ООН в качестве посредника?

Она скомкала открытку и запустила в угол. Клочок бумаги отскочил от плинтуса и закатился под холодильник – туда ему и дорога. Легче совсем не стало. Розы будто продолжали пялиться на неё, самодовольные, холёные, как их даритель. Они заполняли собой всё пространство, слишком громоздкие и слишком шикарные для её крохотной кухни. Здесь каждый сантиметр был обжитым: старые обои в мелкий цветочек, треснувшая плитка над раковиной, кружка с отколотым краем – любимая, с Чебурашкой, ещё из детства. И посреди всего этого тридцать три бордовых аристократа, которым явно не место среди плебейского быта.

Никита, на самом деле, абсолютно ничего не понимал. Две недели тишины, и вот – пожалуйста. Курьер в девять вечера, букет цветов размером с трёхлетнего ребёнка, пафосная записка с пожеланием разговора. О чём с ним говорить? О том, как он год за годом объяснял ей, что её рисунки милые, но на жизнь с их помощью не заработаешь? О том, как

он морщился, когда она говорила про архитектуру, не воспринимая Арину всерьёз? Или о том, как в последней ссоре сказал: *«Ты слишком эмоционально на всё реагируешь, тебе стоит быть проще и прислушиваться к моему мнению, а не страдать ребячеством»?*

Арина до сих пор помнила, как он это произнёс. Спокойно, почти заботливо, как ребёнку объясняют, почему нельзя есть песок. От этой спокойной снисходительности хотелось то ли заорать, то ли заплакать. Она тогда не сделала ни того, ни другого, просто встала и ушла. Произошло это ровно две недели назад.

В груди кипело острое, отчаянное чувство, которое было жизненно необходимо куда-то выплеснуть. Она распахнула окно. Вечер вдохнул в кухню воздух ранней осени, пахло мокрым асфальтом, прелой листвой. Первая половина сентября, а осень уже вступила в права по-хозяйски. Девятиэтажка горела жёлтыми квадратами окон: кто-то уже сидел на кухне, кто-то включил телевизор, а у кого-то окна были ярко-фиолетовыми – вечные дачники, выращивающие рас-саду.

Это был обычный дом в спальном районе. Типичная серая панелька, кривые плиты на тротуарах, тусклый фонарь возле подъезда. Но было в этом что-то особенное, уютное и родное. Арина поселилась здесь несколько лет назад, когда поступила в университет и уехала от родителей, и сразу полюбила это место. Она даже отказывалась съезжаться с Ни-

китой, хоть они и были вместе два года. Бросать это место и переезжать ей категорически не хотелось, а Никита ворочил нос, предпочитая более комфортные и современные жилые комплексы со свежим ремонтом, охраной, коворкингом и комнатой для мытья лап собак на входе, хоть и питомцев у него не было.

Внизу, во дворе, было тихо. Только ветер шелестел кронами пожелтевших тополей, обрывки приглушённых разговоров доносились от соседнего подъезда – скорее всего, баба Зина, местный инфоцентр, знающий всё про всех, собирала свежие новости, либо другие жильцы обсуждали что-то.

Арина импульсивно обхватила букет двумя руками, прижимая его к груди. Целлофан противно зашуршал, стебли хрустнули, а один бутон больно ткнулся в ключицу. Она даже не посмотрела вниз. Просто вышвырнула всё это в окно со словами:

– Подавись!

И захлопнула раму.

Секунду она стояла, тяжело дыша. Плеер с проводными наушниками, который всегда лежал на подоконнике, едва не слетел на пол от её резкого движения. За секунду облегчение сменилось чувством вины: мусорить-то во дворе не стоит. Она уж было собралась спуститься вниз и прибрать за собой, но снизу послышался крик.

– Ай! Твою ж!

Арина замерла. Голос был мужской, незнакомый, и звучал

он ровно оттуда, куда она только что выкинула несколько килограммов колючего счастья. Она медленно, очень медленно приоткрыла окно. Высунулась.

Внизу, у подъезда, в луже жёлтого света от единственного работающего фонаря, стояли двое. Букет валялся рядом, растеряв часть алых лепестков. Один парень – плотный, бородатый, в мешковатом худи, он отряхивал плечо и тихо ругался. Второй второй смотрел вверх.

Арина разглядела его не сразу. Сначала она увидела гитарный кофр за его спиной. Потом старую потёртую куртку, в которой было что-то до невозможности знакомое, кажется, в похожих ходили какие-то персонажи из старых фильмов. А потом – глаза, которые смотрели на неё по-мальчишески насмешливо, даже с каким-то весёлым любопытством.

– Это вы нам скинули? – спросил он, смотря на Арину.

Голос оказался именно таким, каким должен быть у человека с такой курткой и такой гитарой. Низкий, текучий, с лёгкой хрипотцой. Его хотелось слушать. Записать на диктофон и переслушивать.

Рина распахнула рот, не найдя, что сказать. Ей хотелось провалиться сквозь землю.

– Цветы, – уточнил он, будто это неочевидно, кивая на развалины букета. – Вы нам скинули цветы.

Арина хотела сказать «нет». Или «не я». Или захлопнуть окно и притвориться, что её здесь вообще нет, не в этой дурацкой квартире, не в этом дурацком городе. Но язык сделал

что-то странное.

– Да.

– А зачем? – На его лице появилась улыбка. Он что, издевается?

– Случайно, – брякнула Арина и тут же поняла, как это глупо. Букеты случайно не выкидывают.

Парень с гитарой посмотрел на друга. Тот, бородатый, уже перестал ругаться и теперь с интересом наблюдал за перепалкой, скрестив руки на груди.

– Вы меня испугали. Знаете, я думал, только зимой опасно ходить близко к крышам, – сказал гитарист, снова переводя взгляд на Арину. – А здесь, оказывается, круглогодичный сезон опасности.

И вот тут её прорвало.

– Простите. Я не хотела. Правда. Они ну, они мне не нужны. Можете себе забрать. – выпалила она, чувствуя, как щёки заливаает краска. Господи, только не это, она ненавидела краснеть, это всегда выдавало её с головой.

– Спасибо, не надо, – невозмутимо ответил он. – Розы не в моём стиле.

– Девушке подарите, – лягнула Арина и тут же прикусила язык.

Бородатый хмыкнул. Гитарист наклонил голову, разглядывая её. Арина вдруг остро осознала, как она сейчас выглядит: старая растянутая футболка с выцветшим принтом аниме-персонажа, которого она обожала в подростковые го-

ды, волосы торчат во все стороны после долгого дня, никакой косметики, бледная, как моль. И она стоит, высунувшись из окна, как ненормальная, и предлагает незнакомым людям забрать цветы от бывшего, которые остались не слишком целыми после падения. Картина маслом.

– Девушке, – повторил он задумчиво. – А если нет девушки?

– Ну найдите, – огрызнулась Арина. Защитная реакция сработала быстрее мозгов.

Он рассмеялся. Смех у него оказался неожиданно тёплым, совсем не обидным, и почему-то от этого смеха Арине захотелось провалиться сквозь землю ещё сильнее. – Ладно, – сказал он. – Допустим, найду. Но вообще-то я теперь в розах не уверен. Не дадите совет, какие цветы лучше дарить, чтобы их не отправили в полёт?

Бородатый снова хмыкнул, но уже доброжелательнее. Кажется, ему нравилось наблюдать за этим цирком.

Арина открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

– Я... слушайте, я извинилась. Чего вы прицепились?

Он поднял руки, показывая, что сдаётся.

– Я просто констатирую факты. Вы – снайпер. Я – жертва. Цветы – орудие преступления. Вызываем полицию или сами разберёмся?

Он говорил это абсолютно серьёзно, но глаза выглядели насмешливыми. Арина поняла, что он не злится. Он просто находит эту ситуацию смешной и, кажется, искренне насла-

ждается диалогом.

– Простите, – сказала она уже тише. – Честно. Просто день дурацкий, и эти розы... я их ненавижу, если честно.

Повисла короткая пауза. Парень посмотрел на раздавленный букет, потом снова на неё.

– Розы? – переспросил он. – Серьёзно? Кто сейчас дарит розы? Их же только на корпоративы таскают.

– Вот и я о том же, – выдохнула Арина с неожиданным облегчением. – Хоть кто-то понимает.

– Бывший? – догадался гитарист. – Ага.

– Простите за нескромное предположение, но мне кажется, он полный дурак.

– Это точно. – А какие цветы вы любите?

– Ромашки.

– Запомню.

Где-то вдалеке заурчал двигатель, быстро приблизившись к подъезду и остановившись возле парней. Жёлтая иномарка «Солярис» с шашечкой такси. Бородатый друг пихнул гитариста локтем.

– Такси подъехало, Мэт.

Значит, Мэт. Необычное имя, хотя больше похоже на прозвище. Рине стало интересно, как его зовут на самом деле. Ей вообще стало обидно, что он уезжает и этот случайный разговор заканчивается.

– Ладно, – сказал гитарист, поднимая с газона одну розу. – Это я заберу на память о вечере, в который я едва уцелел. И

о девушке, у которой отличная меткость, но паршивый вкус на бывших.

– Вы издеваетесь? – простонала Арина, пряча лицо в ладонях.

– Немного, – честно признался он и сунул бутон в нагрудный карман куртки, так что цветок торчал наружу, как украшение. – Спокойной ночи. И надеюсь, вы больше ничего мне на голову не скинете. Вдруг вы ещё телевизоры ненавидите, например? Я, пожалуй, теперь буду забегать в подъезд и внимательно смотреть наверх. Знаете, ведь говорят: смотреть под ноги, но о том, что под окнами нужно быть осторожными, люди обычно умалчивают. В любом случае, доброй вам ночи!

Он говорил это на ходу, открывая пассажирскую дверь такси и садясь внутрь. Бородатый друг плюхнулся следом, и машина, мягко шурша шинами по мокрому асфальту, тронулась.

Арина смотрела за тем, как задние габариты скрываются за поворотом арки. Потом закрыла окно, прижалась лбом к холодному стеклу и выдохнула.

– Господи, какой позор.

Она постояла так с минуту, чувствуя, как колотится сердце. Перед глазами всё ещё стояла его улыбка. И этот дурацкий бутон, торчащий из кармана. Кретин. Какой же кретин.

Пальцы нащупали плеер на подоконнике. Старый, с трещиной на корпусе – папин. Она взяла его в руки, провела

большим пальцем по шероховатой поверхности. В детстве Рина часто забиралась к отцу на колени, пока он работал за кульманом, он давал ей один наушник, а второй оставлял себе. Они слушали «Кино», «Сплин», иногда западный рок, который папа любил. Он так и не увидел, как она поступила в архитектурный. Не узнал, что его дочь до сих пор рисует, до дрожи боясь, что её линии недостаточно смелые. Папа бы так не сказал. Он всегда говорил: «То, что ты делаешь с душой, не может быть ерундой». Только его голоса теперь не хватало, чтобы в это поверить.

Она сунула наушники в уши, пытаясь отвлечь себя от смущения. Заиграла старая запись – Цой пел про перемены, и Арина невольно усмехнулась: да уж, перемены сегодня определённо случились.

Потом она машинально глянула в окно и застонала. В луже света от фонаря валялись растерзанные розы. Лепестки, обрывки упаковки, сломанные стебли. Безобразие.

– Твою ж мать, – пробормотала Арина и поплелась к выходу.

Она спустилась во двор в тех же домашних штанах, лишь накинув на себя тёплый свитер, чтобы не замёрзнуть, захватила по пути мусорный пакет из-под раковины. У подъезда было тихо, только лампа над козырьком подмигивала, вечно перегорала и снова включалась. Она принялась собирать остатки букета, чувствуя себя полной идиоткой. Лепестки намокли и прилипали к пальцам, стебли царапались. Хоро-

шо хоть никто не видит.

– О, Рина! А это чего это ты?

Арина вздрогнула и резко выпрямилась. Из подъезда выходила баба Зина, невысокая, шустрая, в цветастом халате поверх ночной рубашки.

– Цветы вот упали, – соврала Арина, надеясь, что в темноте не видно, как она покраснела.

– Упали? – Баба Зина прищурилась, окинув взглядом разгром на асфальте. – Ишь ты, как упали-то. Аж со второго этажа? Из окна выпали?

Арина открыла рот и тут же закрыла. Возразить было нечего.

– Да ладно, не трясись, – баба Зина махнула рукой. – Я тоже в молодости цветами кидалась. Правда, в мужика не попадала. Ты, смотрю, меткая. Это я вовремя к окну подошла, по телевизору как раз ничего интересного не было!

Арина хотела объяснить, что это не то, что баба Зина подумала, но соседка уже деловито наклонилась, подбирая несколько уцелевших роз.

– Жалко добру пропадать. Я их в воду поставлю, ещё постоят. – Она выпрямилась, прижимая добычу к груди. – А парень-то ничего, с гитарой. Недавно переехал, на четвёртом живёт. С другом своим, Кирюшкой, его-то я давно знаю. А этот новенький симпатичный такой, мордашка у него хорошенькая. Главное-то вежливый, сейчас вежливых мужиков ищи да свищи, а он всегда здороваётся, про самочувствие

спрашивает, ну чудо! Эх, будь я моложе.

– Мы не... – начала Арина.

– Да знаю, знаю, – перебила баба Зина и, прижимая к груди добытые цветы, двинулась обратно в подъезд.

У двери она обернулась и добавила уже мягче:

– Спокойной ночи, Риночка. Ты это не переживай. Всё у тебя хорошо будет, это я точно знаю.

Она скрылась за дверью, оставив Арину стоять с мусорным пакетом в руках и чувством, что земля вот-вот уйдёт из-под ног.

– Господи, – прошептала она. – Теперь ещё и баба Зина знает.

Она собрала остатки букета, тщательно подобрала всё до последнего лепестка, завязала пакет и побрела к мусорным контейнерам. Мокрый асфальт хлюпал под кедами, где-то в кустах шуршал дворовый кот. Обычный вечер спального района. Совершенно обычный. Только почему-то сердце всё ещё колотилось быстрее обычного, а перед глазами стояла насмешливая улыбка и чёрный гитарный кофр с наклейками.

Глава 2

Утром Арина проснулась с четким ощущением, что вчера случилось что-то позорное.

Она полежала пару минут, глядя в потолок, а потом воспоминания накрыли с головой. Окно, насмешливый голос и этот дурацкий бутон, торчащий из кармана куртки.

– Нет, – сказала Арина вслух. – Этого не было. Мне приснилось.

Телефон на тумбочке противно завибрировал. Она потянулась за ним, надеясь, что это Женя с какой-нибудь глупостью, но увидела незнакомый номер и даже без подписи поняла от кого это сообщение. Новый номер, который она еще не успела заблокировать.

***Неизвестный абонент 07:01** Рина, ну не будь ребенком. Я знаю, что ты получила цветы. Перезвони мне.*

Арина зажмурилась. На секунду, всего на секунду, в ней шевельнулось что-то старое, привычное: может, и правда поговорить? Может, он изменился? Но тут же она вспомнила его лицо, когда он говорил «ты слишком эмоциональная», вспомнила, как он морщился, если она начинала спорить, и как легко обесценивал всё, что было ей дорого. Как однажды сказал про её эскизы: «Это, конечно, мило, но ты же не думаешь, что кто-то будет платить тебе за это деньги?» – и она поверила, вернее сказать, почти поверила.

Она открыла один глаз и решительно нажала «заблокировать».

– Взрослые люди, – пробормотала она, отбрасывая телефон. – Взрослые люди не пытаются откупиться дорогими буткетами. Взрослые люди слушают друг друга и пытаются понять.

Вставать не хотелось. За окном было серо, моросил дождь. Обычно она любила пасмурную погоду, любила куда больше солнечной. Но сегодня даже дождь казался унылым. Арина натянула одеяло до подбородка и уставилась в окно.

Интересно, кто они вообще были? Те двое. Один с гитарой, второй бородатый. Соседями оказались, надо же. Живут в том же подъезде, на четвёртом. Может, она сто раз проходила мимо них, не замечая.

Она вспомнила, как он улыбнулся. Как насмешливо и приятно звучал его голос. И как он сунул тот дурацкий буттон в карман.

– Кретин, – сказала Арина, но ее лицо тронула улыбка. Она тут же поймала себя на этом и нахмурилась, но улыбка не исчезла сразу, а задержалась где-то в уголках губ.

***

К полудню она все-таки выползла из кровати, сварила кофе и села за скетчбук. На часах было почти двенадцать — половина воскресенья коту под хвост.

Надо было доделывать курсовой проект. Через две недели показ, а у нее до сих пор не было нормальной концепции.

Преподаватель, пожилой въедливый мужик с вечно недовольным лицом, в прошлый раз сказал: «Мило, Арина, но мило – это не архитектура. Мило – это поздравительные открытки. Где идея? Где смелость?»

Смелости не было. Была лишь хроническая усталость и каша в голове. Страх ошибиться парализовал пальцы – стоило взять карандаш, как в голове становилось пусто.

Она набросала пару линий, потом зачеркнула. Написала «арт-пространство» и обвела в кружок. Потом пририсовала к кружку рожицу. У рожицы были грустные глаза.

– Тьфу.

Телефон снова завибрировал. На этот раз Женя, ее лучшая подруга.

Женя 14:27 *Ринка, сегодня в Стеклах концерт и мы с тобой туда идем! Там группа одна будет, говорят, огонь. Я договорилась, нас впишут в список. Только оденься нормально, не в свитер!*

Рина 14:28 *Я подумаю*

Женя 14:30 *Подумаешь ты своей архитектурной головой, а я заеду за тобой в 20.00. Все, целую.*

Спорить с Женей было бесполезно, это Арина успела усвоить за многие годы дружбы. Даже если она откажется, Женя придет взломает дверной замок и силой утащит подругу куда ей нужно.

Арина вздохнула и отложила телефон. Она допила кофе, полистала скетчбук, потом встала и подошла к окну. Просто

так, на дождь посмотреть, вдохновиться.

Внизу во дворе было пусто. Мокрая лавочка, лужи, одинокий голубь, нахохлившийся на крыше машины. И никаких следов вчерашнего букета.

Она уже хотела отвернуться, когда из подъезда вышел высокий парень в темной куртке. С гитарным кофром за спиной. У нее екнуло внутри.

Он шел быстрым шагом, на ходу надевая капюшон. Не смотрел по сторонам. Пересек двор, свернул за угол и исчез. Даже не взглянул вверх.

Арина выдохнула. Сама не заметила, что задержала дыхание.

– Дура, – сказала она себе.

Но внутри что-то шевельнулось. Какое-то глупое, девчачье любопытство. Куда он пошел? Чем он вообще занимается?

Она заставила себя отойти от окна и заняться делом. Достала муку, яйца, яблоки. Бабушкин рецепт всегда работал как терапия: когда все плохо, надо месить тесто. А потом пить чай с пирогом, представляя, что семья рядом. Даже если они далеко, в другом городе, запах корицы и яблок всегда возвращал ощущение дома. У нее был старый фартук в горошек, который когда-то давно подарила ей бабушка, Арина надевала его по привычке, хотя он давно уже выцвел и протёрся на сгибах.

Она возилась на кухне, периодически поглядывая в окно,

но двор оставался пустым. Плеер тихо играл свои треки, под которые хорошо мечталось.

К вечеру пирог был готов. Арина отрезала кусочек, села с чашкой чая у окна и снова поймала себя на том, что надеется увидеть один силуэт во дворе.

– Прекрати, – приказала она себе. – Ты ведёшь себя как дура.

К восьми часам, когда приехала Женя, Арина уже стояла одетая не в свитер, а в приличную блузку. Она прихорошилась, сделала макияж и легкую укладку. Даже надела сережки – маленькие ромашки, которые сто лет не доставала из шкатулки. Так, на всякий случай. Просто чтобы Женя не пилила, но в глубине души она надеялась, что встретит того знакомого незнакомца, и ей хотелось выглядеть лучше.

– Ого, выглядишь отлично, – сказала Женя, окидывая ее взглядом. – Прогресс. А чего глаза как у кота?

– Ничего, – буркнула Арина. – Идем уже.

Но Женя замерла на месте, прикрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов носом. А потом резко распахнула веки и посмотрела на подругу, прищурившись.

– Здесь пахнет яблочными пирогом, – констатировала она факт.

– Ну да, я испекла сегодня.

– И не сказала мне? Даже не предложила. Звучит как предательство.

– Ты пришла и сразу

– Где он?

Женя уже двинулась в сторону кухни, не дожидаясь ответа.

– Конечно, угощайся. Там на столе стоит, но разве мы не опаздываем?

– Пирог важнее пунктуальности, это аксиома. Тем более твоего приготовления.

Арина вздохнула и поплелась следом. Женя уже стояла у стола, хозяйничая на кухне и отрезая себе приличный кусок.

– С собой возьму, – объявила она, заворачивая пирог в салфетку. – Ты же не против?

– Он остыл уже давно может, подогреть?

Женя уже двинулась к выходу, пробуя свою добычу. Она довольно замычала и покачала головой.

– Это просто великолепиие, не нужно его греть, холодный он даже вкуснее. Пошли скорее, мы опаздываем!

Они вышли из подъезда.

Женя продолжала уплетать угощение, щедро осыпая пирог комплиментами, попутно рассказывая про какого-то знакомого бармена, который обещал ей коктейль за счёт заведения.

Арина улыбалась, но мысли уже вернулись к вчерашнему. Она посмотрела на окна четвертого этажа. В одном из них горел свет. Интересно, в какой именно квартире он живет? Слева или справа? И думает ли он о ней так же, как она о нем?

– Ты чего застыла? – Женя дернула ее за рукав. – Такси ждет.

– Иду.

Она села в машину и постаралась выкинуть из головы дурацкие мысли. В конце концов, это просто случайность. Просто глупая история с цветами, о которой он уже наверняка забыл. Как и об Арине. А она тут смотрит на его окна, как героиня дешевого романа.

– Слушай, – Женя доела пирог и теперь вытирала пальцы салфеткой. – А чего ты сегодня такая... странная? Оделась, прихорошилась. Я думала, ты будешь ныть, что тебя в клуб тащат.

– Просто настроение хорошее.

– Ага. – Женя прищурилась. – И с чего бы?

– С того, что я испекла пирог, – парировала Арина. – Это моя терапия.

– Ладно. Не хочешь – не говори, но я всё равно узнаю. Тогда расслабься и получай удовольствие. Говорят, группа сегодня будет огонь.

– Что за группа?

– Понятия не имею. Но обещали, что крутая. Говорят, что у них большой потенциал и совсем скоро они станут популярными. Так что потом будем всем хвастаться, что знали их, когда они только начинали. И, может, даже познакомимся с кем-нибудь.

Арина кивнула и отвернулась к окну. За стеклом проплы-

вали фонари, деревья, кроны которых уже пожелтели, вывески магазинов. Она вдруг поймала себя на мысли, что надеется: вдруг и сегодня случится что-то, что перевернет ее скучный, распланированный вечер, как вчера.

***

В клубе было шумно илюдно. «Стекла» – место, куда Женя таскала ее уже в третий раз, и каждый раз Арина обещала себе, что больше никогда не согласится. Здесь всегда было слишком громко. Музыка долбила из колонок так, что вибрировали ребра.

Женя сразу куда-то унеслась, заметив своего знакомого бармена, и махнула Арине, сказав, что скоро вернется. Арина осталась у стойки, прижимая к груди стакан с соком. Завтра в универ к девяти, так что никакого алкоголя. Она уже чувствовала себя старой среди этой толпы девчонки в блестящих топиках, парни с нарочито небрежными прическами, все такие уверенные, такие громкие и яркие. А она в простых джинсах, с ромашками в ушах и глупой надеждой в сердце.

Арина взяла салфетку, в сумке завалилась ручка, и начала рисовать. Простые линии, узоры. Руки сами делали свое дело. Где-то на подкорке рождался эскиз – она еще не понимала, чего именно, но пальцы уже выводили плавные изгибы. Вчерашний вечер никак не выходил из головы. Не глядя на салфетку, она вдруг поняла, что нарисовала окно. И цветок, летящий вниз.

– Девушка, это место занято?

Она подняла голову. Рядом стоял парень – симпатичный, в дорогой куртке, с уверенной улыбкой. Чем-то напоминал Никиту. Тем же взглядом собственника, той же манерой смотреть сверху вниз, будто он уже все про тебя решил.

– Я не знакомлюсь, — ответила Арина и сразу отвернулась к сцене. Салфетку она быстро перевернула рисунком вниз.

Парень, к счастью, был понятливым и не настаивал, просто отошел. Арина выдохнула. Надо будет сказать Жене, чтобы больше не тащила ее в это место. Это не для нее. Она вообще не тусовочная. Она домашняя.

И тут свет погас.

В зале стало темно, только редкие огоньки телефонов. Толпа взбудоражено загудела. Арина обрадовалась темноте, ведь в ней можно спрятаться, стать невидимой. Она оставила сок и уставилась на сцену, где суетились фигуры, проверяя аппаратуру.

Сначала вышел барабанщик – сел за установку, пробуя палочки, выстукивая простой ритм. Потом басист – массивный, бородатый, с недовольным лицом, поправил ремень, воткнул шнур в гитару. Арина смотрела без особого интереса. Очередная местная группа, очередной шум. Женя говорила, они «огонь», но Женя всегда так говорила, лишь бы вытащить подругу в свет.

А потом на сцену вышел вокалист.

Он появился с края, чуть ссутулившись, и сразу направился к микрофону. Свет еще не зажгли, только тусклый синий

прожектор скользнул по его фигуре. Темная потертая куртка – та самая, которую Арина уже видела. Вчера.

У нее что-то оборвалось внутри. Будто мир на секунду замер, а потом рухнул обратно с удвоенной громкостью.

Он подошел к микрофону, поправил стойку, надел на плечо ремень гитары, провел рукой по волосам – темным, взлохмаченным, падающим на глаза. Даже в этом полумраке, даже сквозь дым и толпу, Арина узнала этот профиль.

Мэт.

Зазвучали первые аккорды. Простые, чуть грустные, с перебором. Он поднес микрофон к губам и сказал в зал:

– Добрый вечер, друзья! Надеюсь, вы уже успели по нам соскучиться. Сегодня мы сыграем для вас кое-что новое. Песня про то, как иногда с неба падают цветы. Совет дня: будьте осторожны под окнами.

Зал засмеялся. Кто-то свистнул.

Арина вросла в пол. Сердце забилося где-то в горле. Не может быть, просто не может быть.

Он пел, одновременно играя на гитаре.

Голос был именно таким, каким запомнился вчера – глубокий, чуть ломающийся на высоких нотах, пронзительный. А слова... слова были про нее. Про девушку, которая выбросила цветы в ночь, про лепестки на мокром асфальте, про то, как случайность оказалась единственным правильным поворотом. Он даже вставил строчку про «окна на втором» – или ей показалось? Она слушала и не верила. Он написал песню

о ней. За один день. Или, может, она слишком много себе напридумывала, и это просто совпадение?

Арина стояла, вцепившись в стойку, и чувствовала, как по коже бегут мурашки. В груди разливалось что-то огромное, незнакомое – восторг, смущение, страх, надежда, все сразу. Она не знала, куда деть руки, куда смотреть, как дышать. Это было невозможно. Это было совпадение, которое не укладывалось в голове. Или судьба, которая решила пошутить.

Когда песня закончилась, зал взорвался аплодисментами. Арина выдохнула, только сейчас заметив, что все это время почти не дышала. Они сыграли еще несколько песен, она не запомнила ни одной, потому что не могла оторвать взгляда от сцены. Точнее, от одного человека на сцене.

– Ри-и-ина! – Женя возникла из ниоткуда, вцепилась в ее руку. – Ты видела? Они бомбические! А солист! Ты слышала эту песню про цветы? По-моему, он про кого-то конкретного пел, такая романтическая история. Пошли за кулисы, я договорилась, нас пустят!

– Что? Нет, Жень, я...

– Идем, не трусь! – Женя уже тащила ее сквозь толпу, расталкивая локтями восторженных девиц.

Арина пыталась вырваться, но подруга была настырной, как танк. Они пробились к служебному входу, где уже толпились несколько девчонок с горящими глазами и телефонами наготове. Среди них Арина заметила одну – светловолосую, красивую, в дорогой одежде. Та смотрела на дверь с таким

выражением, будто она владеет и этой группой, и этим клубом. Взгляд у нее был цепкий, собственнический, когда он скользнул по Арине. Всего на секунду, но этого хватило, чтобы по спине девушки пробежал холодок. Блондинка окинула ее с ног до головы с таким презрением, будто Арина была не человеком, а грязным пятном на ее любимых туфлях.

– Смотри, фанатки, – фыркнула Женя. – У них уже фанклуб есть, представляешь? Вон та, блондиночка, говорят, на всех концертах торчит. Света какая-то, психованная, говорят. Ты с ней поосторожнее, у неё глаз дурной.

– Жень, пошли домой, – попросила Арина. – Пожалуйста.

– С ума сошла? Сейчас они выйдут, я тебя с гитаристом познакомлю! Он клевый, да? Я узнавала, его Мэт зовут. Говорят, тексты сам пишет. И холостой.

– Я не хочу

Но дверь уже открылась.

Первыми вышли басист и барабанщик. Басист окинул толпу мрачным взглядом и прошел мимо, даже не глядя на протянутые телефоны. Девчонки разочарованно загудели.

А потом вышел *он*.

В той же куртке, с гитарой за спиной. Его взгляд скользнул по толпе, на секунду задержался на Арине, она даже не поняла, показалось или нет, а потом к нему уже бросились фанатки. Он улыбался, что-то говорил барабанщику. Девчонки завизжали, окружая их. Света-блондинка оказалась в первом ряду, протягивая ему телефон:

– Мэт, ты как всегда великолепен! Давай сделаем фото для канала! Я тебя везде отмечаю!

Он вежливо кивнул, сделал несколько селфи. Света прижалась к нему плечом, но он мягко отстранился, не меняя выражения лица. Арина тем временем попятилась назад, пытаясь слиться со стеной. Если он ее увидит, будет еще более неловко, чем вчера. Она уже представила, как он ухмыльнется и спросит: «Преследуешь меня?»

– Ты куда? – зашипела Женя, хватая ее за руку.

– Хочу домой. Правда, Жень, я устала.

– Стоять.

Но Арина уже выдернула руку и быстро пошла к выходу, лавируя между людьми. Она почти добралась до двери, когда услышала за спиной:

– Эй! Снайпер!

Она замерла. Только не оборачиваться. Это ведь не ей сказали. Нужно просто убежать, но ноги будто приросли к полу.

– Девушка, которая кидается цветами! К сожалению, не успел спросить твоего имени.

Голос был насмешливый. Арина зажмурилась на секунду, набрала воздуха в грудь и обернулась.

Мэт стоял в паре метров, отделившись от толпы фанаток. Света смотрела на Арину так, будто хотела испепелить взглядом. Женя за его спиной делала большие глаза и беззвучно хлопала в ладоши.

– Это ты мне? – спросила Арина, надеясь, что голос звучит

ровно.

– А ты видишь здесь другого снайпера? – он сделал пару шагов к ней. – Реально ты? Я сначала не поверил, когда увидел.

Арина моргнула.

– В смысле увидел?

– Ну, в зале. Ты стояла у стойки, рисовала что-то. Я еще подумал: не может быть. Думал у меня галлюцинации от недосыпа. А потом свет и... – Он запнулся. – Столько случайностей, не находишь?

Он заметил ее в зале до выступления. И запомнил, что она рисовала на салфетке. Арина почувствовала, как щеки снова заливаются краской. Ну почему она вечно краснеет, как помидор?

– Меня это подруга меня сюда притащила, – выдавила она. – Я не знала, что ты тут выступаешь. Честно.

– Я верю. – Он очаровательно улыбнулся. – Но совпадения какие-то странные, тебе не кажется?

– Кажется, – призналась Арина. – Как в дурацком фильме.

Повисла пауза. Женя стояла за спиной Мэта и делала Арине страшные глаза: «Не тупи!», читалось по ее губам.

– Слушай, – Мэт сунул руки в карманы куртки, – я тут подумал... Может, проводить тебя? Время позднее, район не самый тихий. А я все равно уже закончил, да и нам с тобой в одну сторону, тем более ты моя соседка снизу. Твоя подруга не будет против? – Он обернулся к Жене, и та энергично

закивала.

Арина хотела отказаться. Правда хотела. Но вместо этого услышала свой голос:

– А как же твои фанатки? – она кивнула в сторону Светы и компании.

– Переживут, дай им волю и задержись я тут еще на какое-то время, они меня точно на куски растерзают и заберут с собой как сувенир, – усмехнулся он. – А я ещё жить хочу.

– Ладно, – сказала Арина. – Пошли.

И, не глядя на Свету, которая, кажется, сейчас лопнет от злости, она пошла к выходу. Мэт догнал ее в два шага и открыл перед ней дверь.

– После вас, снайпер.

– Прекрати меня так называть, – буркнула Арина, выходя на прохладный воздух.

– А ты прекрати кидаться цветами.

– Это был один раз.

– Ага. И я чуть не огреб. Так что имею право.

Она не выдержала и улыбнулась. Улыбка сама расплзлась по лицу.

Женя осталась стоять у служебного входа с открытым ртом. Она переводила взгляд с закрывшейся двери на толпу фанатов, которые смотрели туда же с явным неодобрением. Света процедила что-то сквозь зубы – Женя не разобрала, но тон ей не понравился. Что-то вроде «да кто она такая».

– Что ты сказала? – повернулась к ней Женя. Она была не

из робких и привыкла защищать подругу.

Света окинула ее таким же презрительным взглядом, каким минуту назад смотрела на Арину, и, не ответив, отвернулась. Две её подружки синхронно фыркнули.

– Ну и психованная, – пробормотала Женя и достала телефон, чтобы написать подруге.

Женя 22:11 Ты че творишь???. Я тебя убью. Расскажешь все, когда будешь дома!

Женя 22:12 И это... он реально классный. Я одобряю. Но убить всё равно убью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.